

Таким образом, можно считать, что институт колоний римских граждан возник лишь во II в. до н. э. На раннем этапе колонизации, в V—IV вв. до н. э., разница в государственно-правовом отношении между колониями римского и латинского права фактически была незначительной. Да и поселенцев прежде всего интересовала земля, а не гражданский статут. Появление новой формы колоний римских, т. е. таких, жители которых обладали всей полнотой прав римского гражданина, было обусловлено усилением Рима на Апеннинском полуострове. Господствующее положение Рима повлекло за собой особое значение права римского гражданства, сделало его привилегией. Это обстоятельство послужило причиной того, что римляне с большей охотой переселялись в те колонии, которые не влекли за собой *capitis deminutio* их поселенцев.

Взросший удельный вес *coloniae Romanae* во II в. до н. э. обусловлен также и интересами Рима как господствующей общины в системе италийского союза. Печальный опыт Ганнибаловой войны в обстановке нарастающего недовольства союзников заставлял Рим создавать себе в Италии прочные опорные пункты, готовые защищать римские привилегии, совпадавшие с их собственными. Наконец, интересы именно господствующего класса римских рабовладельцев требовали в условиях вспыхивавших в различных частях полуострова рабских восстаний надежных защитников существующего общественного строя.

Римские колонии явились закономерным выражением диктаторских тенденций древнего рабовладельческого Рима на Апеннинском полуострове.

И. Л. Маяк

ГРЕЧЕСКИЕ ЕГИПТИЗМЫ ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ФАКТОРИЙ В ЕГИПТЕ

В дополнение к исследованиям египетских заимствований в греческом языке, изложенным автором в специальной работе¹, в настоящей статье рассматривается еще несколько заимствований, относящихся ко времени после появления в Египте греческих факторий², а именно слова: *ἄκριβος* «скарעד», *μέτρον* «мера вместимости» (и другие значения), *σάρακος* «(служитель), подметающий (государственные) зернохранилища» и *τιθαβόσσω* «гнездиться» (о пчелах).³

Экономическую суть представленных ниже значений, а соответственно и хронологическую принадлежность объясняемых слов, я ниже нарушаю лишь одним словом: глагол *ἰρῦω* «прихожу на помощь» пришлось привлечь на правах историко-этимологической параллели к моему объяснению слова *σάρακος*.

Ἄκριβος 1) «дотошный», 2) «скарעד»

Из перечисления в словаре Бузака мнений индоевропейцев о происхождении этого слова видно, что ни одно из мнений, до сих пор предложенных, убедительностью не отличается. К этим мнениям следует, впрочем, присоединить еще замечания в словаре Лиделла и Скотта³: «Значение указывает на *ἀκρος*, как первую часть слова, но *-ίβος* остается сомнительным». А следовательно, прибавим, остается сомнительным и сближение с прилагательным *ἀκρος*,

Приступая к новой попытке объяснения, отдадим себе отчет в следующих значениях: 1) «точный»: а) «дотошный», б) о точном смысле слова, 2) «скарעד, скупердый, бережливый»,

¹ П. В. Ернштедт, Египетские заимствования в греческом языке, М.—Л., 1953.

² См. там же раздел «Поздние заимствования», стр. 97—131, где рассмотрены слова: *βάρις* «судно», *ἐρπίς* «вино», *ἐρσιβάω* «быть зараженным мучнистой росой», *μετός* «полный», *μέσση* «наполнение», *μηροίξω* «жевать жвачку», *σάρον* «метла», *σωρός* «куча (зерна)», *σπείρω* «сеять», *ὄσυός* «виноградная ветка с гроздьем».

³ H. G. Liddell and R. Scott, *Greek-English Lexicon*, Oxf., 1948.

На основе данных египетского языка напрашивается мысль, что вторая часть слова, оставшаяся неясной авторам греко-английского словаря, подлежит отождествлению с египетским существительным *ib* «сердце»¹. А относительно первой части *ixr-* нельзя не подумать о возможной предшествующей причастной форме глагола, звучащего по-коптски *ok̄r* «становиться твердым, замерзать, оковывать».

Сочетание обеих составных частей в египетском языке дало бы звуковой состав *akr-ib «холодносердечный, с холодным сердцем». Нет надобности пояснять, как хорошо такое более древнее значение подошло бы к значениям греческого слова.

Однако, указывая на коптский глагол *ok̄r*, мы не можем не отметить, что египетской лексикографии неизвестен такой глагол, к согласным составным частям которого могли бы быть возведены порознь согласные составные части глагола *ok̄r* в порядке восстановления спонтанной истории звуков. Но зато известен другой глагол, способный сослужить нам ту же службу. Этот глагол гласит *ʒgb* и представлен по-коптски в форме *ok̄r* со значениями «охлаждать, замерзать». Если мы предположим словосложение, содержащее в качестве первой составной части причастие глагола *ʒgb*, которое дало бы по-коптски **ak̄b*, а в качестве второй составной части — существительное *ib*, которое по-коптски могло бы звучать **i:b*, то у нас получится сложное имя, дважды содержащее согласный [b]. Мы уже знаем из другого случая происхождения коптского слова из египетского слова, дважды содержащего губной, что эти условия являлись поводом к диссимилиации. А именно, мы знаем, что сочетание **teb^cpose* «жженный кирпич» давало по-коптски *ter^opose*². Соответственно у нас получится, что греческое прилагательное *ixpibvz* в египетском прошлом претерпело развитие *ʒgb-ib > *ʒgr-ib. А устанавливая элемент фонетической комбинаторности в развитии египетского предшественника греческого прилагательного *ixpibvz*, мы тем самым объясним звуковой состав коптского глагола *ok̄r* «замерзать», как обратное образование от сложного имени *akr-ib, что образовано из **ak̄b-ib*. Древнейшим в наших источниках проявлением египетской диссимилиации, отразившейся в звуковом составе греческого слова *ixpibvz*, является само это греческое слово.

Μέτρον «мера вместимости» (и другие значения)

Русское слово «метр», как обозначение меры длины, происходит, как известно, в конечном итоге из греческого языка. Принятое во французский язык во время французской революции, оно вместе с метрической системой вошло во всемирную терминологию мер. В связи с этим не может не представлять интереса вопрос, как и когда слово *μέτρον* появилось в греческом языке. На этот вопрос уже дало свой ответ сравнительное языковедение индоевропейских языков. Согласно ему, слово *μέτρον* входит уже в древнейшую фазу развития греческого языка, ту фазу, которая представлена эпосом «Илиады» и «Одиссея», притом слово *μέτρον* считается греческим отражением истории слов индоевропейской давности. Но исследуя иноязычные способы происхождения греческих слов — способы, не относящиеся непосредственно к сравнительной грамматике индоевропейских языков, мы ставим наново вопрос о значительном ряде греческих слов, между прочим — относительно происхождения слова *μέτρον*. Появляется вопрос о возникновении этого слова не без участия словарного заимствования, и притом заимствования из языка Египта. При исследовании египетского языка оказывается, что то из значений греческого слова, которое относится к протяжению предметов, не является первоначальным значением слова. Более древним, чем это значение, является значение «мера вместимости».

Объясняя слова *μετός* «полный» и *μέτρα* «наполнение» как заимствования — заимствования особого рода — из египетского языка³, я воздержался от соответствен-

¹ Относительно гласного этого слова ср. *h.t t² hr ib* = *Aḫpibvz.

² Ср. P. Jørgensen, *Graeco-coptica*, ZfAS, 64, 1929, стр. 122—135, в частности стр. 124 сл.

³ П. В. Ернштедт. Египетские заимствования в греческом языке, стр. 102 слл.

ного освещения слова μέτρον только потому, что в отношении его находился во власти давнего предрассудка сравнительного языкознания¹. На самом деле слово μέτρον содержит тот же самый первый элемент, как и слова μέστις и μέσσα, и характеризуется так же как эти слова, непосредственностью сцепления с этим элементом такого-то греческого суффикса. Ввиду того, что существительные с суффиксом -τρον обозначают те средства или орудия, при помощи которых совершается действие, выражаемое тем глаголом, от которого данное образование на -τρον произведено, слово μέ-τρον может быть дословно передано как «орудие наполнения»². Такое наименование неплохо подходит к мере вместимости.

Если я прав, причисляя слово μέτρον к тому же времени, к которому относятся μέστις и μέσσα, то надлежит выяснить, как это вяжется с тем фактом, что μέτρον встречается уже у Гомера. С этой точки зрения необходимо рассмотреть все места у Гомера, где упоминается слово μέτρον и слова, от него производные, первым делом со значением «мера вместимости». Примечательно, что комментаторы Амеис и Гонтце в качестве значения слова μέτρον указывают «полноту меры».

А. μέτρον = «мера вместимости», или, дословно, «орудие наполнения», т. е. та мера объема, при пользовании которой производилась сдача тех или иных количеств таких-то продуктов, а далее обозначаемая такой мерой количественность, в цифрах именно этой меры:

«Илиада», 7, 470³:

«Двум Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,

Тысяча мерок (μέτρα) вина послалась Евнеем отдельно».

«Илиада», 23, 267:

«Третьему приз — прекрасный котел, на огне не бывавший. Белый, блестящий еще, в четыре вместимостью меры (μέτρα)».

«Илиада», 23, 741:

«... кратер для вина, шестимерный (ἕξ...μέτρα)...». Ср. также «Илиада», 23, 264:

«Также и в двадцать две меры (μέτρον) треножник ушатый поставил, —»

«Одиссея», 2, 355:

«... и чтоб в каждом из них заключалось двадцать мер (μέτρα)...»

Б. μέτρον = 1) «мера длины», 2) «предел расстояния»:

«Илиада», 12, 421—422:

«... как два человека на поле, обним им общим,

С мерой (μέτρα) в руках, меж собой о меже разделяющей спорят».

«Одиссея», 4, 389 (= «Одиссея», 10, 539):

«... чтоб бы он тебе указал дорогу и меры (μέτρα) пути...»

«Одиссея», 13, 100:

«... а внутри его остаются без привязи корабли, когда они достигнут предела причала (ἵρμου μέτρον)».

К μέτρον как обозначению «меры длины» примыкают глаголы μετρέω «измерять» и ἠμετρέω «вновь измерять» — переносно о вторично преодолеваемом пути:

«Одиссея», 3, 179:

«... измерив (μετρέσαντες) обширное море, мы возложили много бедер быков для Посидона».

¹ Fritz Bechtel, Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleichner, Göttingen, 1892, стр. 60 и 241.

² Оно станет вполне понятным, если подтвердится мысль о том, что отсеки в зернохранилищах были рассчитаны на вполне определенные количества зерна, что заполнение таким-то количеством зерна фактически осуществлялось и что — а это главное — под цифрой заполненной кубатуры разумелось целое число кратного емкости того самого измерительного приспособления, при помощи которого производилась выемка.

³ Стихотворные переводы «Илиады» даны по В. В. Вересаеву, «Одиссея» — по В. А. Жуковскому. Переводы прозой принадлежат автору настоящей статьи.

«Одиссея», 12, 428:

«быстро явился Нот, неся мучения моему сердцу, чтобы я еще раз измерил (ἀναμετρήσαιμι) гибельную Харибду».

Μέτρον в словосложениях: μέτρον — «мера вместимости», или протяжения, в качестве составной части сложного прилагательного περίμετρος «очень большой», например:

«Одиссея», 2, 95:

«Она ткала, установив себе в чертогах большую ткань на станке, тонкую и огромную» (περίμετρον).

В. Μέτρον — «мера времени, возраста или степени развития живого организма»:

«Илиада», 11, 225:

«После того как предела достигнул он юности (ἤβης...μέτρον) славной...»

«Одиссея», 11, 317:

«... и угрозу б они совершили, когда бы достигли Мужеской силы (ἡβης μέτρον)...»

Более точным был бы перевод: «предела возмужания».

К разным выше названным разрядам можно считать примыкающим μέτρον в переносных обозначениях численности или интенсивности в составе сложных слов: ἀμετροεπίς «неумеренный в словах», ἀμέτρητος «неизмеримый»:

«Илиада», 2, 212:

«Яро шумел лишь Ферсит, совершенно в речах безудержный».

«Одиссея», 19, 512:

«а мне божество уделило горе неизмеримое».

«Одиссея», 23, 249:

«но и впредь будет неизмеримое мучение».

Возникновение Одиссеи считается не древнее времени появления факторий в Египте. Следовательно, для нас вопрос здесь стоит о возникновении тех частей «Илиады», из которых взяты вышеназванные примеры слова μέτρον. Если именно эти части «Илиады», в свою очередь, могут считаться не древнее, чем появление факторий, то со стороны эпоса ничто не противоречит появлению у греков слова μέτρον в начале второй, более поздней, поры заимствований. Вопрос стоит о следующих частях «Илиады»: 2, 212; заключительные стихи 7-й песни, упоминающие Евней; 11, 225¹; 12, 421 и 422, тяжба на поле; 23, 264 и 741, состязания в честь Патрокла. Повидимому, ни одно из этих мест не подлежит датировке более ранней, чем VII в., а в VII в. данное заимствование могло состояться заодно с уже рассмотренными заимствованиями более позднего времени — времени факторий².

Σάραχος (служитель), подмгтающий (государственные) зернохранилища

В дополнении к объяснению, данному в книге «Египетские заимствования в греческом языке» (стр. 115—120) слову *σάρον* «метла», следует упомянуть еще глоссу Гесихия *σάραχος ὑπέρτης, ὁ σάρων τίς δημοσίας στοάς*.

¹ В отношении 11-й песни «Илиады» см. W. S c h a d e w a l d t, Ilias-studien. Abhandlungen d. Philolog.-hist. Klasse d. Sächsischen Akademie d. Wissenschaften, Nr. 6, Lpz, 1938. За указание на эту работу я обязан проф. И. М. Троицкому.

² В связи с тем, что появление греческих факторий в Египте предшествовало окончательному установлению читаемого нами текста не только «Одиссеи», но и «Илиады», наличие какого-либо данного слова в обеих поэмах само по себе еще отнюдь не доказывает, что данное слово может быть безоговорочно отнесено к исследовательскому материалу сравнительной грамматики индоевропейских языков. Принадлежность к Гомеру так же мало равносильна паспорту в сравнительную грамматику (или этимологический словарь) индоевропейских языков, как нахождение у Асвагоши санскритского слова *khal'na* ≪χαλνός «узда» уполномочивает на включение соответствующего «древнеиндийского» слова в одно из таких пособий. Слово *khal'na* в Индии не древнее индийского похода Александра, но могло бы явиться и значительно позднее его.

Понимая глоссеми этой глоссы, как указано в заголовке, я полагаю, что в лексикографических сведениях, использованных Гесихием, под словом *στοά* разумелось не значение «колоннада», а другое значение этого слова — «склад» или «место хранения», точнее же — «зернохранилище».

Такое понимание глоссеми мне представляется неопровержимым. Ведь, допустим, вам удалось бы показать, что современники Гесихия под словом *στοά* разумели «колоннаду», в отличие от «склада» или «места хранения», все же относительно источника данной глоссы останется неопровержимым допущение, что в основе смысла глоссеми лежит сельскохозяйственное понимание слова *στοά*. Именно с таким пониманием глоссеми представляется возможным согласовать этимологический анализ леммы средствами египетской лексики и египетского словообразования. Я имею в виду анализ, напрашивающийся при учете того, что: 1) первая половина слова *σάραγος* в существенной части созвучна с читаемым в глоссеме глаголом *σάροϋν* «мести», производным от имени *σάρων* «метла»; 2) в глоссеме речь идет о действии подметания.

Это сочетание фактов, относящихся к соответствию смысловых элементов той и другой части глоссы, настолько разительно, что нельзя, исходя из нее, не попытаться взаимно связать, с одной стороны, ту, на первый взгляд, этимологически неясную заключительную часть слова *σάραγος*, которая остается за вычетом части этого слова, созвучной с основной частью слова *σάρων* египетского происхождения, и, с другой стороны, — указания того объекта действия «подметания», которое читается в толковании и помимо слов *ἰσπρέτης ὁ σάρων* «служитель, подметальщик...». Эта попытка приводит к предположительному уравниению $-αγ(ος) =$ «зернохранилище». Иначе говоря: нашей задачей оказывается разгадка звуко сочетания $-αγ(ος)$, как вероятного обозначения объекта действия подметания, выраженного причастной формой *σαηγ-* глагола *σάηγαι* «подметать». Правильная разгадка должна, очевидно, заключаться в привлечении такого египетского слова, звуковой состав которого так или иначе (разумеется, с учетом фонологического различия между тем и другим языком, а также звукового развития греческого языка) подойдет к составу звуков $-αγ(ος)$ греческой передачи, а значение которого будет сопоставимо со значением «зернохранилище». Общим требованием отвечает египетское слово $h^1.w$, означающее «клад» и отражаемое коптским словом, известным в следующих диалектных вариантах: *ahō* (саидский и бохайрский), *shō* (ахимский), *aha* (файюмский), означающих «клад» и «склад, хранилище», между прочим — «зернохранилище» (ср. совмещение этих значений словом *ἑρσαυρίς*). Для египетского глухого фарингального спиранта [h], не только подвергнувшегося искони той же передаче у греков, как и голосовосвязочный спиронт [h], но, очевидно, и совпавшего с последним ко времени позднейших заимствований, особое греческое воспроизведение его между гласными либо не проявлялось в письме, либо вовсе отпадало в связи с присутствием того отвечающего написанию [r] звука, который известен своим безразличным отношением к аспирации. Это значит, что египетское слово, когда-то в прошлом звучавшее $*saηg-ahō$, теперь, у современников Гесихия, в одном из северных диалектов египтян-коптов звучало бы $*saηg-a^hō$, а греческая передача, как она была доступна грекам, в письменном ее проявлении должна была дать $*σάραγος$ в том случае, если судьба междугласного [h] зависела только от его непосредственного окружения. По поводу ударения на третьем от конца слоге нужно учесть сказанное мной в книге «Египетские заимствования в греческом языке» (стр. 182): «...Принципиальная сторона наблюдаемой пестроты трактовки обусловлена тем или иным размежеванием сфер, сферы независимости места ударения от значения, с одной стороны, и сферы зависимости от значения — с другой стороны. Первая сфера стоит под знаком использования трехслового диапазона отдаленности ударения от конца слова. Сюда же относятся редкий случай аналогии чисто формальной. Вторая сфера стоит под знаком разнообразного формального подчинения влияниям семантики, либо грамматической, либо лексической, на почве аналогии». Что же касается согласного, скрывающегося за написанием γ, при нахождении данной артикуляции перед гласным заднего ряда, то, по крайней мере относительно всеобщей практики греков времени

Гесихия, мы не можем сомневаться, что за этим написанием скрывалась та же артикуляция, которая соответствует написанию γ перед задними гласными в новогреческом языке, иначе говоря — звонкий заднеязычный спирант.

Если можно, в отношении истории значения, считать справедливым объяснение глагола $\dot{\alpha}\rho\gamma\gamma\omega$, как означающего «приходить на помощь, спасать, защищать», из египетского глагола $\dot{h}a'te : he$, как означающего «сохранять», то объяснение истории глагола $\dot{\alpha}\rho\gamma\gamma\omega$ представится убедительной аналогией объяснения слова $\sigma\acute{\alpha}\rho\alpha\gamma\omega\varsigma$ из $sa\dot{h}g-a\dot{h}o$ и в том смысле, что в обоих случаях два глухих фарингальных в условиях нахождения между ними согласного [r], при восприятии данных слов греками, диссимилировали друг друга: в то время как первый фарингальный подлежал восприятию в качестве придыхания, второй стал восприниматься в качестве звонкого заднеязычного смычного. Придыханию не принадлежала у греков роль особой фонемы, когда оно непосредственно соприкасалось с [r], случай со словом $sa\dot{h}g-a\dot{h}o \rightarrow \sigma\acute{\alpha}\rho\alpha\gamma\omega\varsigma$. Акустическим путем оно далее выполняло роль, состоявшую в том, что оно привело к возникновению [g] на месте дальнейшего [i]. Такое же придыхание подлежало другой участи, а именно — сохранению тогда, когда оно находилось в начале слова перед гласным в слове $*\dot{h}a'te : he \rightarrow *\dot{\alpha}\rho\gamma\gamma\omega$. Это сближение может быть нами использовано только в том смысле, что греки должны были не только слышать в абсолютном начале египетского глагола звук, подлежавший воспроизведению придыханием, но, соответственно этому, после заимствования и произносить его. Это же не исключается и фонологией того случая, когда за начальным слогом — [h] + гласный — следует [r].

Следовательно, придыхание в начале этого слова могло отсутствовать только в силу псилотичности давнего наречия. Если это слово будет обнаружено у греков, сохранивших придыхание, то в письме, имеющем особую букву для придыхания, такая буква должна в этом слове присутствовать. Ее отсутствие в соответствующем источнике будет равносильно ошибочности сближения эпического глагола $\dot{\alpha}\rho\gamma\gamma\omega$ с египетским глаголом $*\dot{h}a'te : he$. Египтологическое объяснение слова $\sigma\acute{\alpha}\rho\alpha\gamma\omega\varsigma$, — такое которое всецело отвечало бы его лексическому значению и в то же время орудовало бы со звуками, годными, с точки зрения истории звуков того и другого языка, в прямые, в отношении места артикуляции, исторические предшественники звука, обозначенного написанием γ , — такое объяснение едва ли осуществимо. Соответственно нам приходится считать звук, обозначаемый написанием γ , в составе слова вторичным в смысле одной из двух следующих возможностей, окончательный выбор между которыми я пока произвести не в состоянии.

Одна из двух возможностей заключалась бы в предположении артикуляторно-промежуточного характера звука на стыке артикуляций [a] и [o] после того, как [b] между ними перестал быть произносимым. Такое объяснение написания γ между гласными предполагает, что звук, легший в основу этого написания возник здесь весьма поздно.

Другая возможность — я определенно склоняюсь к ее предпочтению — подсказывается значительностью сходства между гомеровским глаголом $\dot{\alpha}\rho\gamma\gamma\omega$ «приходить на помощь, защищать» и демотически-египетским глаголом $\dot{h}g\dot{h}$ «сохранять». Устанавливать это сходство в его полном объеме, т. е. принимая во внимание также подлежащую учету диахронику, значит учитывать, 1) что отсутствие придыхания в начале гомеровского глагола может быть основано на псилотичности данного диалекта или данного литературного диалектического источника, иначе говоря — что звуковой состав $\dot{\alpha}\rho\gamma\gamma\omega$ может восходить к $*\dot{\alpha}\rho\dot{h}\gamma\gamma\omega$ и 2) что заднеязычный смычный мог в порядке диссимиляции на греческой почве или уже при восприятии слова греками встать на место фарингального спиранта (т. е. что $*\dot{h}a'te : g\dot{o}$: получилось диссимиляционным путем из $*\dot{h}a'te : h\dot{o}$).

Следующие формы коптских диалектов мы имеем в виду, когда восстапавливаем полный звуковой состав глагола $\dot{h}g\dot{h}$, известного в таком составе согласных $\dot{h}g\dot{h}$ из демотики: $\dot{h}a'te : he$ (редко по-саидски), $a'te : h$ (редко по-саидски, а также по-субахимски), $ha'teh$ (нормально по-саидски), $a'teh$ (по-саидски и по-бохайрски).

Если мы положим в основу сопоставления тот вариант слова, который имеет глухой фарингальный [h] в обоих слогах глагола [hḡh], содержащих спирант, то убедимся в той доле сходства, которая существует между *'saḡg-a'ḡo, с одной стороны, и *ḡa'gē:ḡe — с другой.

τιθαιβώσσω «гнездится» (о пчелах)

До какой степени этот глагол казался этимологически неясным, видно из того, что, как отмечено в словаре Аутенрита, один ученый предлагал такое объяснение: τιθαί «пчелы-работницы», βωσσοῦσι «жужжат» (оба слова являются плодом фантазии).

Единственный гомеровский пример этого глагола читается в описании пещеры у той гавани острова Итака, в которую феаки привезли спящего Одиссея; там читаются между прочим следующие два стиха:

ἐν δὲ κρητῆρες τε καὶ ἀμφιφορῆες ἔασιν (ν 106)

λίνοι· ἔλθα δ' ἔπειτα τιθαιβώσσοσι μέλισσαι

«в ней находятся каменные кратеры и амфоры;
там же гнездятся также пчелы».

Глагол τιθαιβώσσω читается, помимо настоящего места «Одиссеи», только еще у Никандра и Ликофрона. Он еще не получил надлежащего объяснения. Ясна его суффиксация: в отношении ее он сопоставим с глаголами ἀνειβώσσω, ὑβρώσσω.

Предшествующую основную часть слова я сопоставляю с коптским существительным 'taibe «ящик, гроб, торба». Зубной смычный аспирирован, как тому и следует быть в греческих египтизмах после гласного. Предшествующий слог [ti-] может на эллинистов произвести впечатление презентического удвоения. Но если мы правильно произвели глагол от существительного женского рода 'taibe, то естественно в слогe ti- усматривать отражение женской формы одного из коптских артиклей, а именно того из них, который совпадает с кратчайшей формой указательного местоимения. По-коптски li 'taibe означало бы «(этот определенный) ящик». Я полагаю, что греками существительное было усвоено в качестве начинающегося со слога [ti] именно под влиянием того, что этот слог напоминал презентическую редупликацию того глагола, образование которого сопутствовало заимствованию существительного. Предполагаю, что существительное с указанным древним значением обозначило и «улей». Тогда значение «гнездиться (в улье)» было первоначальным значением глагола, но думается, что, отправляясь от этого значения, глагол мог обозначать «гнездиться» и о таком роде или х пчел, который, очевидно, имеет в виду поэт. Аутенрит в словаре к Гомеру предполагал, видимо, с вопросом то же значение (sie bauen). Если справедлива мысль о том, что гомеровское обозначение улья — того же происхождения, то это положение следует обосновать и культурно-исторически. Направляется мысль, что за египетским происхождением слова для обозначения «улья» стоит факт заимствования греками у египтян основных приемов, связанных с использованием пчел человеком¹.

*

Египтизм аттического диалекта λαμβάνω «страдать прозорливостью»

Глагол λαμβάνω [Aristophanes, Ecclesiazusae, 1176; ср. Herodas. VI, 97 (-σσει)] представляется производным от существительного λαμβός «горло» (ср. Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, s. v. λαμβός). Это мнение основано на общей склонности рассматривать более краткие образования как более древние, несомненно же только словообразовательная соотнесенность между глаголом и существительным. А

¹ По поводу истории значения, т. е. вопроса, какие значения лежат в основе слов, обозначающих «улей», см. G. Meyer, Etymologisches, «Byzantinische Zeitschrift», т. III, 1894, стр. 156—164, под словом βαράδιον. Там упоминаются слова κουφοῦν на Лесбосе (<*soffone «большая корзина») и ἀγγεῖον «сосуд». Ср. П. В. Ернштедт, Египетские заимствования в греческом языке, М.—Л., 1953, стр. 44 сл.

это еще не решает вопроса о подлинном генезисе глагола λαίματτω. В том, что генезис этого глагола до сих пор не искали в языке Египта, может быть, повинно то обстоятельство, что в звуковом составе слова есть элемент, а именно дифтонг [ai], из египетского языка не объяснимый. Можно предположить, что дифтонг так или иначе, на контаминационных началах, привнесен от слова λαίμος «орло», но остается неясным, имело ли место влияние самого существительного λαίμος или же контаминационное влияние исходило от слов, сложных с существительным λαίμος, а именно от глагола λαίμαργῶ «быть прожорливым» и существительного λαίμαργία «прожорливость». Основной же историко-языковой предпосылкой слова λαίματτω явился египетское имя, отраженное в коптских сложных именах lammat¹ или lammat «сумасшедший по части утробы». При этом мы замечаем, что при вторжении в греческий язык копец египетского слова, как части глагольного словосочетания, был, с некоторой натяжкой, переиспользован в качестве греческого глагольного суффикса -ττ(α) настоящего времени. Словосоздательная грамматикализация при помощи суффикса — ττ(ω) свидетельствует о том, что мы имеем дело с результатом языкового обмения египтян с афинянами, в отличие от других греков, в том числе прочих ионийцев. Но едва ли будет правильно объяснять глагол λαίματτω непосредственно из имени, предшественника коптского имени lammat. Глагол может восходить только к глагольному обороту. Глагол λαίματτω с его конечным морфологическим показателем глагольности может быть объяснен только из глагольного оборота, т. е. из γ lammat. Египетский формальный показатель оглавленности имен в виде γ при переходе слова в греческий язык стал компенсироваться присутствием личного показателя глагольности δσρμ. Естественную преобладающую в Египте афинянами конца слова как такой его части, которая запрашивалась на воспроизведение суффиксом -ττ(ω), отвечало у остальных греков оформление настоящего времени по типу суффиксов -σσω или -ζω. Вот, можно думать, почему этот же глагол засвидетельствован в формах λαίμασσω и λαίμαζω. Такое его оформление возникло только после того, как он из Аттики перешел к другим грекам.

По поводу возникновения варианта λαίμαζω сравните ἀρματτω, ἀρμαζω и σφαττω, σφαζω. Вторичность формы λαίμασσω, как содержащей всестоящий, приходится считать несомненной с того момента, как нам представится свидетельством уравнение между египетским предшественником коптского слова lammat и греческим λαίματτω. Здесь мы имеем явный пример того, что междиалектное соотношение δσρμ ~ ττ- основано не на общности додиалектной праформы, а на более позднем восстановлении той разновидности слова, которая содержала неаттический звук -σσ-. Такому восстановлению не обязательно происходить только на бумаге. Оно, по крайности, мыслимо относительно вымиравших диалектов, и постольку законен вопрос: где осуществилось восстановление формы λαίμασσω — безусловно ли на почве общения представителей соприкасавшихся диалектов или искусственно, т. е. только в кабинете ученого поэта? Я склонен думать, что справедливо второе.

У Геронды дважды (4, 46 и 7, 18) встречается производное от глагола ругательство λαίμαστρον. Его можно приблизительно перевести «глотало, обжирало». О. Крузиус (Р. Герцог)² хорошо переводит Freßsack.

Чл.-корр. АН СССР П. В. Ершtedт

О НЕПРАВИЛЬНОМ ИСЧИСЛЕНИИ ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ СОБЫТИЙ, ИМЕВШИХ МЕСТО ДО НАШЕЙ ЭРЫ

За последние десятилетия имели место случаи, когда годовщины рождения и смерти выдающихся деятелей древности или иных событий, относящихся ко времени до

¹ Ср. П. В. Ершtedт, Египетские заимствования..., стр. 44 слл.

² O. Crusius, Die Mimiamben des Herondas, deutsch mit Einleitung und Anmerkungen, zweite Auflage, gänzlich ungearbeitet von R. Herzog, Lpz, 1926.